

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

БОГИНЯ

Зинаида Гиппиус

Богиня

«Public Domain»

1893

Гиппиус З. Н.

Богиня / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1893

«– Я влюблен – не буду скрывать от вас, тем более, что мы только что познакомились. Да, я влюблен. Пустоплюнди помертвел...»

© Гиппиус З. Н., 1893

© Public Domain, 1893

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Богиня

I

– Я влюблен – не буду скрывать от вас, тем более, что мы только что познакомились. Да, я влюблен.

Пустоплюнди помертвел.

– В нее влюблены? – спросил он почти шепотом.

– В кого «в нее?» Вот чудак! Конечно, в нее. Только я не знаю, о ком, собственно, вы говорите.

Виктор встал со скамейки, где они оба сидели, обдернул свою полотняную блузу, подтянул кушак, молодежато дрогнул на ногах и посвистал.

После этого он сел опять и стал вертеть палкой в воздухе с ужасающей быстротой.

Пустоплюнди тоскливо и тягостно смотрел на Виктора. У Виктора было белое полное лицо с крупным розоватым носом, очень голубые глазки и ресницы молочного цвета. Волосы, такие же молочные, он стриг под гребенку, розовая кожа нежно просвечивала на голове.

Пустоплюнди и познакомился с этим мальчиком только ради того, чтобы знать правду. Виктор чаще других гулял с «ней», и Пустоплюнди показалось даже, что «она» особенно благоволит к нему. Боже мой! Боже мой! что из этого выйдет! Виктор всего только воспитанник шестого класса реального училища и даже, кажется, остался в шестом классе на второй год.

Одна была надежда – может быть, Виктор равнодушен; но нет, он признался прямо, что влюблен.

Пустоплюнди и Виктор сидели на самой дальней дорожке парка, у пруда, под развесистыми березами. День был жаркий, с тяжелыми тучами. От темной неподвижной воды, заслоненной у берега висящими ветвями, шел запах тины и душной сырости. По ту сторону неширокого пруда солнце блестело ослепительно и жгло без того сожженную траву.

Лето было с грозами и жаркое. Дачники имения купцов Жолтиковых, села Вознесенского, не запомнят такого лета. Виктор, который во младенчестве провел неделю в Тифлисе, уверял, что нынешнее лето совершенно кавказское и для местностей под Москвой – несоответственное.

– Скажите, пожалуйста, вот что, – начал Виктор. – Я до сих пор не знаю, как ваша настоящая фамилия?

– Апостолиди.

– Апосто... Вот странность-то! ведь вас как-то совсем иначе называют. Вы не русский?

– Я грек, я греческого происхождения... Я, впрочем, жил всегда в Москве. А что называют меня иначе, так это всегда, еще с гимназии, все меня Пустоплюнди называли. В университете иногда даже странно, когда по-настоящему назовут. Трудно, должно быть, моя фамилия для усвоения.

– А вы не похожи на грека. У вас нос не греческий. Да... Что, ваш воспитанник поправляется?

– Нет, все еще болен. Ужасно неприятно: я живу здесь, чтобы репетировать его, а он все время болен. И я совсем без дела живу.

– Ну, это не беда. Вы себе развлечение найдите. Я, например, не скучаю.

Несмотря на то что Виктор был реалист шестого класса, а Пустоплюнди студент и гораздо старше, Виктор считал себя вправе говорить небрежно и покровительственно. Отчасти это было потому, что Виктору нравились его собственные голубые глазки, быстрота ног и талия,

стянутая кожаным поясом, а Пустоплюнди ему искренно казался уродом с его смуглым, почти коричневым лицом, тупым, коротким носом и широко расставленными черными глазами. Все черты лица его действительно были очень крупны и грубы. Кроме того, Виктор знал, что он весьма развязан и умеет говорить с барышнями. А Пустоплюнди бледнел от робости, едва очутившись в обществе, и не умел сразу начать разговора. Такую робость Виктор считал отчасти глупостью, отчасти признаком дурного воспитания, а про себя самого думал, что он, во-первых – молодец, а во-вторых – образцовый кавалер во всех отношениях.

– Но мы отвлеклись от интересного вопроса, – сказал Виктор, уже начиная слегка скучать со своим новым знакомым. Они представились друг другу и говорили в первый раз, хотя все лето встречались в общем парке. Парк был невелик.

– Да, от вопроса, – повторил Пустоплюнди, опять пугаясь.

– Я вам признался, что я влюблен, но прошу вас, пожалуйста... это останется между нами...

– Конечно, – пролепетал Пустоплюнди.

– У меня есть свои причины; я хочу замедлить объяснение, а если она узнает стороной... Впрочем, она с вами никогда не разговаривает, прибавил Виктор, не заботясь скрывать настоящую причину своей, как будто неосторожной, болтливости.

– Да... она почти не разговаривает, – уныло сказал Пустоплюнди. – Она все с вами...

– Со мной? Ну, нет, я даже стал избегать ее общества. Я вам говорю, что я не желаю подавать поводов к толкам... Я даже стараюсь ухаживать за другими. Неужели вы не замечали? За Женей и потом за этой... как ее...

Пустоплюнди выпрямился на скамейке и вытянул шею по направлению к Виктору, расширив глаза от удивления и недоумения.

– За Селифановой? – робко подсказал он.

– Ах, да что вы болтаете! За какой Селифановой? Я даже не знаком с ней. За этой я ухаживаю... ну как ее? За поповной!

Пустоплюнди преобразился. Он хотел и не смел понять. Неужели? Так все это нарочно? Значит, Виктор «ее» не любит! и она, значит, Виктора... не...

– Что это с вами? – удивлялся Виктор. – Чего вы?

Пустоплюнди, поняв наконец и поверив, вдруг засмеялся, открыв ряд очень белых, редких зубов немного заостренной формы. Он смеялся так долго и таким радостным смехом, что, глядя на него, и Виктор захохотал, несмотря на свое первоначальное желание обидеться.

– Так вы, значит, не в нее? – спросил Пустоплюнди, переведя дух. – Так в кого же вы?

– А вы вообразили, что я в поповну влюблен? В эту самую так называемую Попочку, которая каждое воскресенье отправляется с мамашей с дачи в город к обедни в тот приход, где служит ее папаша? И почему ее хорошенькой называют – удивляюсь! По-моему, Женька – и та лучше. И с чего вам представилось? Рыба какая-то...

– Ну, это положим... – заикаясь, но горячо вступился Пустоплюнди. Впрочем, он сейчас же опомнился и прибавил по возможности спокойно:

– Так в кого же вы влюблены?

– Я влюблен, – медленно, отчеканивая каждое слово, произнес Виктор, – я влюблен в единственную здесь достойную любви женщину – в Агриппину Ивановну Кошкину.

И Виктор победоносно взглянул на Пустоплюнди.

Прошло несколько секунд молчания.

Пустоплюнди опять хотел засмеяться, но удержался из уважения к чужой любви. Так именно он сказал это себе. Он стал припоминать Агриппину Ивановну, даму за тридцать лет с помятым, болезненным личиком и капризным выражением глаз. Агриппина Ивановна занимала большую дачу вдвоем с мужем, который где-то служил и приезжал только по праздникам.

Агриппина Ивановна одевалась очень мило, вечно была больна, держала себя высокомерно, а в беседки парка приказывала приносить свои собственные длинные кресла.

Она, впрочем, была со всеми знакома и любила, чтобы за нею ухаживали. Виктора она посылала из парка домой за шерстью для своего вышивания, заставляла собирать клубнику на грядках, позади сосновой аллеи, и называла его иногда «многообещающим юношей».

Но Пустоплюнди в простоте сердечной не думал, чтобы кто-нибудь, а тем более маленький Виктор, мог влюбиться в эту солидную даму.

Виктор принял молчание Пустоплюнди за благоговение и заторжествовал. Он стал распространяться о привлекательности Агриппины Ивановны.

– Нет, как она одевается! Ведь это одно изящество! А женственность какая, томность... А заметили вы, когда она в церкви на колени становится, какие у нее ножки? Заметили – целое облако белых кружев и крошечная, капельная туфелька с французским каблучком... Да будь ты хоть раскрасавица, но если у тебя нога, как у этой Попочки, например...

Тут Виктор сразу примолк, отчасти потому, что на лице Пустоплюнди заметил необычное волнение, и кроме того в кустах раздался шорох.

Оба собеседника обернулись и увидели розовое личико пятнадцатилетней Жени.

– Вы знакомы? – спросила она удивленно, раздвигая кусты и выходя на дорожку. – А я не знала. Ну, все равно, тем лучше. Виктор, не делайте, пожалуйста, презрительного лица – оно вам нейдет. О чем вы тут рассуждали? Я увидела из беседки красную рубашку господина Пусто... Апосто... и явилась, чтобы сообщить вам завтрашний проект. Вы еще ничего не знаете? В самом деле, еще ничего не знаете?

Она болтала, усевшись на лавочку, вертелась во все стороны и смеялась. Женю можно было бы назвать хорошенькой девочкой, если бы она иначе себя держала. Но она слишком рано поняла, что она хорошенькая, и стала нестерпимо кривляться. Впрочем, иногда это кривлянье соединялось у нее с детским простодушием, весельем – и выходило милым.

– Ну-с, завтра пикник! – сказала она с важностью, хлопнув обеими руками себя по коленям. – Все, все едут. Это недалеко, в Отрадное – кто пойдет, кто поедет. Кошкина в своем шарабане поедет. Кого-то она с собой возьмет? Очень нужно! Я иду пешком, я решила. Там будем чай пить, в теннис играть... Князя теперь не живут, один управляющий... Дом-то какой, страсть! Там, говорят, Пушкин жил. Какая там библиотека!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.